

Леонид Ляшенко

ТРИ ОДИНОЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА II

Интерес к личности
правителей России

Проблемы, связанные с событиями царствования Александра II, не вызывают в последнее время особого ажиотажа среди исследователей, хотя, с другой стороны, начиная с 1990 года, появился целый ряд заметных публикаций, посвященных именно этому периоду истории России [1]. Видимо, для нас, россиян, живущих в начале XXI в., переломные эпохи в жизни страны представляют и еще долго будут представлять особый интерес. Если это так, то столь же живой интерес будут вызывать у нас и личности крупнейших государственных деятелей России, активно влиявших на выбор страной того или иного пути своего развития, страдавших и ликовавших вместе с ней. Едва ли не в первом ряду подобных государственных деятелей будут находиться те, кому судьба предназначила руководить государством, нести за все, происходившее в нем, личную ответственность — российские императоры.

Их пост или, если хотите, ранг был настолько уникален, а воспитание, взросление, становление характера иногда столь причудливы, что, безусловно, есть смысл обратиться к изучению личностей монархов, поскольку подобное изучение дает богатую пищу для размышлений не только историкам или политологам, но и психологам и педагогам. Особый интерес, с данной точки зрения, представляют те правители Российской империи, которые волей обстоятельств не только специально готовились к занятию своего поста, но и вынуждены были проводить в стране структурные реформы.

Александр II — монарх-
реформатор

Одиночество — главная психологическая характеристика исключительной личности

Одиночество, вызванное уникальностью ситуации

В ряду российских монархов-реформаторов одной из наиболее ярких фигур, безусловно, является Александр II (1818—1881 гг.). В рамках одной статьи вряд ли удастся осветить проблему становления и развития личности этого монарха в полном объеме, поэтому данную работу следует рассматривать как некий эскиз к названной теме, как ряд соображений, возникших в связи с ней.

Представляется, что одной из главных психологических характеристик любого монарха является его одиночество, вызванное, в первую очередь, исключительностью царского поста. Трудно спорить с тем, что в принципе каждый человек экзистенциально одинок. Отсюда у него возникает постоянное ощущение неуверенности, а то и страха, с которыми надо или смириться, или попытаться их преодолеть. Именно данный выбор, а также то, что существование — это «всегда мое», приводит к тому, что экзистенциальное одиночество не уравнивает людей, не делает их кровными братьями по одиночеству. Составляющие последнего, как и методы борьбы с ним, у каждого человека абсолютно свои, слишком разные и в каком-то смысле индивидуальность судьбы — это и есть непохожесть одного одиночества на одиночества другие.

С этой точки зрения судьба Александра II была глубоко индивидуальна и порой удивительна. Он, кажется, являлся «рекордсменом» по набору одиночеств, о чем ниже и пойдет речь. Не пытаясь претендовать на создание исчерпывающе полной картины, остановимся на трех главных характеристиках ситуации, в которой оказался Александр II: одиночестве его на престоле, в кругу родных и близких, уникальность (в данном случае синоним одиночества) той политической позиции, которую в 1860–1870-х гг. пытался занять император.

Одиночество первое. Трон

Детство: женское и мужское воспитание

В первые годы жизни Александр II попал в ласковые руки женщин: его воспитательницами стали Ю.Ф. Баранова, Н.А. Тауберг, а боннами (то есть нянями) — М.В. Косовская и А.А. Кристи. До шестилетнего возраста жизнь великого князя не была обременена чрезмерными заботами. Зимой он жил с родителями, а на лето выезжал в Павловск к бабушке Марии Федоровне. С шести лет компания воспитателей Александра становится чисто мужской. Главную роль в ней играли К.К. Мердер, ветеран войн с Наполеоном, и знаменитый поэт В.А. Жуковский. О К.К. Мердере сестра Александра II, Ольга Николаевна, писала в своих воспоминаниях: «Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал Семье: действительно драгоценный человек!» [2].

«Его величеству нужно быть не ученым, а просвещенным»

Регулярное обучение наследника началось с 1826 г., его план, рассчитанный, как мы бы сейчас сказали, на 10 классов, поручили составить В.А. Жуковскому. Поэт отнесся к почетному и ответственному поручению весьма серьезно, внимательно проработав идеи швейцарского педагога И.Г. Песталоцци, который считал, что в воспитании человека участвуют три фактора. Первый из них — личность воспитателя, то есть его влияние на питомца личным примером, второй — сама жизнь, то есть условия, в борьбе с которыми вырабатывается самостоятельность и закаляется характер, третий — чувство человеколюбия, сознание долга перед людьми. Главную идею своего плана В.А. Жуковский изложил в письме к императрице Александре Федоровне. «Его величеству, — писал он, — нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно ознакомить его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага... Просвещение в истинном смысле есть много-объемлющее знание, соединенное с нравственностью...» [3].

Привлекательные и негативные черты характера

Благодаря заботам родителей и учителей Александр Николаевич был резвым, физически крепким подростком, который многое схватывал, что называется, на лету, умел нравиться людям, был добр и сентиментален, обладал ярко выраженным чувством долга, искренне любил родных, особенно мать и сестер. В общем, у него вырабатывались весьма привлекательные черты характера, а они и являются тем инструментом, с помощью которого люди пытаются приспособиться к окружающей их действительности.

Однако наставники постоянно отмечали и те негативные черты характера великого князя, которые требовали, по их мнению, исправления и даже искоренения. Самым непонятным и неприятным для них была странная апатия, хандра, нападавшая на ребенка совершенно внезапно и погружавшая его в своего рода транс. Это состояние особенно усиливалось, когда ему не удавалось решить поставленную или возникшую задачу с налета. «Ему случалось, — писал в своих «Записках» К.К. Мердер, — провести час времени, в продолжении которого ни одна мысль не придет ему в голову, этот род совершенной апатии меня приводит в отчаяние...» [4].

Другой чертой характера наследника, волновавшей воспитателей, была его, как они выражались, «невывержанность». Тот же К.К. Мердер вспоминал, как во время прогулки по реке соученик Александра Иосиф Виельгорский, дурачась, неосторожно вел шлюпку и зачерпнул бортом воду. Великий князь так рассердился, что схватил Иосифа за шею и дал ему несколько пинков, прежде чем вмешались воспитатели, сделавшие наследнику выговор. Да и в более поздние годы Александр Николаевич мог накричать

Требование образцовости во всем

на незадачливого собеседника, в сердцах плюнуть в него, но тут же обнять и попросить у него прощения.

Так откуда же это бралось: шармерство и равнодушие к людям, острота мысли и апатия, спокойствие и психологические срывы? Обратимся к одному из наставлений, которыми В.А. Жуковский постоянно пичкал наследника. «На том месте, — говорил учитель, — которое вы со временем займете, вы должны будете представлять из себя *образец* (подчеркнуто мной. — Л.Л.) всего, что может быть великого в человеке» [5]. Понимаете, что происходило ежедневно, если не ежечасно? От наследника, сначала мальчика, потом юноши, требовали именно образцовости, эталонности во всем: учебе, поведении, манерах, военных занятиях и т.п. Для ребенка, да и для взрослого, такой груз неподъемен, психологически травмоопасен, ведь ребенок в таких условиях не имел права на ошибку, не мог, как говорится, ни в чем «засбоить». Вот почему в юношестве стимулом к действию для Александра была не столько внутренняя потребность к лидерству, сколько тщеславие учителей и родителей, а также благоприобретенное желание угодить взрослым, дабы избежать выговора, а то и разноса.

Видимо, от каждого венценосного ребенка современники требовали или, по крайней мере, ожидали того, чего не нашли у предшествующих монархов, и от царствования к царствованию требования росли, как снежный ком, а ожидания становились все нетерпеливее. Наследники же престола, прислушиваясь к подобным пожеланиям, пытались сопоставить их со своими реальными возможностями, и трудно сказать, что они при этом испытывали — то ли гордость от своего исключительного положения, то ли ужас от невозможности оправдать надежды подданных.

Воспитатели не учитывали особенности возраста и индивидуальность воспитуемого

Ситуация усугублялась еще и неумением или нежеланием воспитателей считаться с психологическими особенностями возраста и индивидуальности воспитуемых. Самые простые вещи — раздумья наедине с собой, желание разобраться попросту, по-мальчишечьи с Виельгорским или Паткулем — трактовались учителями и родителями как «совершенная апатия» или «гнусное чувство мести». А ведь внешнее «ничего неделание» вовсе не означает внутреннего бездействия. Может быть, именно в такие минуты и происходит взросление человека, его осознание себя в сложном и не всегда добром мире. Да и мальчишечьи драки — это не всегда и не только «варварство», выплеск злобы, но и необходимая разрядка, проявление детского умения постоять за себя, детского понимания проблемы лидерства.

Блестящее образование и дворцовое воспитание

К началу 1837 г. наш герой получил блестящее образование, равноценное, по мнению знающих иностранцев, подготовке к защите докторской диссертации в лучших европейских университетах.

Воспитан же... Воспитан он был дворцом. Иного влияния, кроме влияния наставников или семьи, он не знал, а значит, ощущал себя одиноко именно потому, что был призван со временем занять престол. Психологи уверяют, что ребенок, выросший в обстановке поклонения со стороны взрослых, слышащий постоянные напоминания о том, что он выше остальных людей, как правило, превращается в деспота и самодура. Александр Николаевич под это правило явно не подходил.

Осознание важности и тяготы престолонаследия Он определенно осознавал важность и тяготы престолонаследия и его слова о желании родиться простым смертным, о страхе перед тронем не стоит воспринимать ни как кокетство, ни как стремление отречься от престола сию же минуту. Цесаревич постепенно привык находиться в центре внимания и принимать знаки поклонения от всех, включая родных и близких (а может, просто смирился с этим). Привычка первенствовать развила в нем обидчивость, ревность к чужим успехам, и, в отличие от отца, он не очень любил и умел выслушивать справедливые упреки или здоровое несогласие со своей точкой зрения даже в разговорах с глазу на глаз. Душа его оказалась по необходимости динамичной, в ней умещались и сентиментальность, и желание охватить все и все перечувствовать, и равнодушие... Последнее рождалось не столько от нелюбви к людям и миру вообще, сколько как защитная реакция от болей мира, которые он при всем своем желании не мог уменьшить.

Трудный поиск места в мире взрослых Постепенно в наследнике развивалась подозрительность (особенно по поводу того, что им управляют). В ней, помимо естественной тяги к самостоятельности, чувствуется отголосок школьных времен, когда опека воспитателей оказывалась зачастую мелочной и надоедливой, а потому непереносимой. Отметим, что все эти годы наследник престола напряженно искал свое место в не слишком гармоничном мире взрослых. Этот поиск был особенно труден для будущего монарха, человека, у которого на долгие раздумья не доставало времени, а потому в его действиях часто преобладали первые впечатления, первые движения души.

Монарх как политико-теологическое и психолого-нравственное явление После вступления Александра Николаевича на престол его одиночество не только не уменьшилось, но стало еще более всеобъемлющим. Проблема «Монарх как политико-теологическое и психолого-нравственное явление» слабо разработана в нашей литературе [6]. Между тем в политической системе России единственным действенным элементом вплоть до середины XIX в. оставалась именно монархическая государственность. Власть императоров являлась крайней, чрезвычайной, последней и безответственной. Кроме того, монарх не только являлся главой православной церкви, но, по мнению подданных, получал от Бога силу и мудрость для осуществления власти над государством.

Самоконтроль
царствования

В XIX в. события жизни самодержца и его родных продолжали пониматься и оцениваться по образу и подобию земной жизни Христа, а потому начали отмечаться в церквях торжественными молебнами и проповедями.

Психологический гнет
постоянной ответст-
венности

Наследникам престола с детства внушалось, а монарх должен был постоянно помнить о том, что он царствует, то есть царит. Возможно, есть политические деятели более способные, но им не дано стать незаменимыми. Поэтому император и вынужден постоянно заботиться о славе, чести, репутации как своей, так и страны в целом. Он должен помнить, что любое проявление им чувств удешевляется в глазах окружающих: вспыльчивость превращается в царский гнев, награда — в царскую милость, решение — в царскую правду. Только для императора существует постоянная живая связь между прошлым и будущим, только он умеет выстроить подлинно преемственную политику государства.

Монарх — не лич-
ность, а образ

Понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего предполагало не только особое почитание его, но и особую ответственность монарха перед подданными. Даже в загробной жизни он нес ответственность за все неурядицы во вверенном ему государстве и именно поэтому имел право на принятие полностью самостоятельных решений. Все это, естественно, не ослабляло, а усиливало тот психологический гнет, который испытывал Александр II. Один из самых горячих защитников монархической государственности Л.А. Тихомиров писал: «Династическая идея делает личность царя живым воплощением того идеала, к которому стремится нация» [7]. А дальше у него шли такие определения, от которых даже сейчас становится не по себе: вершитель судеб, гений нации, защитник справедливости, законности и прогрессивной эволюции.

Безвыходность трон-
ного одиночества

Иными словами, наш герой не знал никаких послаблений, никакого душевного покоя и комфорта, занимаясь лишь самоконтролем в дополнение к контролю со стороны окружающих. Он всегда был что-нибудь **должен**. При всей своей независимости самодержец попадал в полную зависимость от того положения, которое занимал. Его пост — это не трибуна, не сцена, не амвон; человека, личности просто нет. Вместо них — образ, лик, на который истово молится вся страна, ожидая не реальных свершений, а чудес, возлагая не понятные надежды, а неисполнимые упования. Тяжело и больно выдавливать из себя по капле раба, но каково чувствовать, как по капле уходит собственное «я»?

Был ли у Александра II выход из этого дворцового, тронного одиночества? Вряд ли. Человеку, с детства воспитанному в определенном духе, не видевшему никаких других отношений, кроме почитания, преклонения, угодничества, трудно, если не невоз-

можно представить себе, что общение между правителем и подданными может быть иным. Мир перевернутых человеческих отношений диктует свои правила игры, и хорошо, если носитель верховной власти смирился с этими правилами (хорошо для самого носителя, естественно). В таком случае он, может быть, будет страдать, мучиться, но имеет возможность утешить себя тем, что «так надо», «не нами заведено» и тому подобными замусоленными, но успокоительными сентенциями. Намеревался ли успокоиться подобными соображениями Александр II, испытывавший явное одиночество в многолюдстве? Об этом мы поговорим чуть позже.

Одиночество второе. Родные и близкие

- Подавление личности отцом-владыкой Александр II всегда был окружен многочисленной родней: бабушка, отец, мать, братья и сестры, жена, шесть сыновей, две дочери. Отец Александра II Николай Павлович был деспотом из принципа, в соответствие со своим пониманием требований момента. Это в полной мере распространялось и на его семью, в которой он ощущал себя почти восточным владыкой. Он требовал от детей полной покорности, корил их за малейшие провинности, то есть, желая того или нет, ежедневно подавлял их личность. Понятно, что дети отвечали отцу чувством восточного же почитания. Вряд ли это можно назвать любовью, точнее будет обозначить как вынужденное уважение, основанное на укоренившейся привычке к безраздельному господству взрослых.
- Официоз отношений отца и сына К первенцу Николаю I, наследнику престола, все сказанное относилось в первую очередь. Муштровать сына император начал в раннем детстве, заставляя его печатать шаг и выполнять приемы с оружием в любое время суток [8]. Позже он мог прилюдно и грубо обругать сына за ошибку во время воинского развода или надавать ему пощечин за игру в карты посреди дня [9]. Их отношения довольно долго оставались чересчур официальными, доходило до того, что отец общался с сыном посредством указов и рескриптов в основном запретительного характера. Не будем сгущать краски. По-своему Николай I был внимательным отцом, позаботившимся о прекрасном образовании сыновей и дочерей, следившим за их успехами, активно приобщавшим подросткового наследника к государственной деятельности. Однако он был отцом-императором, более владыкой, нежели родителем. Некоторое сближение монарха с наследником престола началось слишком поздно, чуть ли не после женитьбы Александра Николаевича.
- Запоздалое сближение отца и сына Правда, к этому времени у нашего героя появилась собственная семья, да и вообще свободного времени оставалось все меньше и

	меньше. Иными словами, запоздалое сближение отца и сына получилось для обоих приятным, но несколько поверхностным. Скорее всего, император, наконец, заметил, что первенец вырос, стал помощником, на которого можно переложить часть государственных забот. Подобная ситуация упростила их общение друг с другом, но вряд ли сделала отношения между отцом и сыном более теплыми, семейными.
Полупридуманный образ нежной и внимательной матери	Мать, Александра Федоровна, была для Александра Николаевича, безусловно, понятнее и ближе, чем отец. Но и от общения с ней теплых воспоминаний у наследника сохранилось не так уж много. Императрица, занимавшаяся по должности широкой благотворительностью, участвовавшая в обязательных официальных мероприятиях, также не могла уделять сыну достаточно много внимания. Она осталась в памяти нашего героя как полупридуманный образ нежной и внимательной матери.
Обделенность общением с братьями и сестрами	Из братьев и сестер ближе всех к нему по возрасту и строю мыслей стоял великий князь Константин Николаевич. Однако последнего готовили к руководству Морским ведомством, что предполагало некоторую специфику его воспитания и образования. С другими братьями и сестрами особо близких отношений у нашего героя не выстроилось. Они были гораздо моложе его, поэтому общие детские воспоминания связывали их не слишком сильно. Для постоянного общения с подросшими братьями и сестрами у наследника, а затем монарха не оставалось достаточно времени, да и политические их симпатии порою не совпадали. К тому же, как вспоминала великая княжна Ольга Николаевна, в детстве им постоянно напоминали о том, что Александр — это особая статья, его ждет престол, и потому относиться к нему необходимо то ли с почтением, то ли просто не докучать ему своими детскими «глупостями» [10].
Холод одиночества в семье	Нельзя, наверное, безапелляционно утверждать, что в отцовской семье Александр Николаевич был постоянно одинок и несчастлив. Однако вряд ли можно спорить с тем, что если он и не был одинок, то постоянно ощущал холодок одиночества (избранности); если он и не был отчаянно несчастлив, то крайне редко чувствовал себя действительно счастливым. Но ведь была еще и личная жизнь нашего героя за пределами родительской семьи. Как же с ней обстояло дело?
Поиск простой человеческой любви	Повышенная чувственность, необходимость ощущения постоянной влюбленности были, видимо, одной из отличительных черт психологического облика всех Романовых. Конечно, без изрядной доли распушенности, без человеческой слабости здесь не обошлось, но проблема не только и даже далеко не в этом. Не были ли любовные истории Романовых в XVIII и особенно в XIX в. по-

иском выхода из монаршего одиночества, попытками прорыва к искренней, простой человеческой любви? Ведь бегство к женщине, в частную жизнь, даже в скандалы — это и есть бегство от трона, от официального «надо» или «нельзя», это бунт, протест против навязанных государственными соображениями семейных союзов. Правда, убегая на поиски обычной, «земной» любви, властители, не желая этого, из одиночества монаршего попадали в одиночество чисто человеческое. Свободная смена любовников и любовниц — не то средство, которое делает людей надолго и прочно счастливыми.

Любовные метания и
женитьба

Александр II начал пытаться заводить романы, правда, чисто платонические, с 15-летнего возраста [11]. Предметами его внимания были фрейлины матери (что делать, если именно они, фрейлины, всегда были перед глазами и под рукой). Вскоре родителям наследника надоели любовные метания сына, которые порой заводили его невест куда, вплоть до английской королевы Виктории, и они женили Александра Николаевича на дармштадтской принцессе Марии (в православии — Мария Александровна). Этот союз был поначалу достаточно благополучным, прежде всего с точки зрения государственной и династической устойчивости. Но что он принес лично Александру II? Вскоре после восшествия на престол у Марии Александровны начал развиваться туберкулез, спровоцированный промозглым петербургским климатом и частыми родами. К тому же доверие императора к супруге вызвало ревность его ближайшего окружения, и придворные начали напентывать ему, что по Петербургу ходит слух, будто бы Мария Александровна им руководит, то есть является соправителем государства. Этот шепоток упал на подготовленную почву: с детских лет предположение о том, что он может быть чьим-то «ведомым», было наиболее неприятным для Александра Николаевича. Теперь оно оттолкнуло его от супруги.

Ритуализация отношений с супругой —
уход от чувственности

Уважение его к Марии Александровне на протяжении ее жизни оставалось неизменным, однако оно все больше напоминало заученный раз и навсегда ритуал. Утром бесстрастный поцелуй, дежурные вопросы о здоровье, о поведении и успехах детей, беседа на родственно-династические темы. Днем совместное участие в парадах и церемониях, позже — визиты к родственникам или выезд в театр, обязательный чай вдвоем или в обществе детей. Чувственность же, острота ощущений навсегда ушли из их отношений.

Любовные увлечения — попытки бегства от дворцового одиночества

Александр II пытался возместить недостаток чувственности в своей жизни романтическими приключениями на стороне. С 1860 по 1865 г. он, по слухам, переменял полдюжины любовниц. В этом нет ничего удивительного. Во-первых, так было принято, во-вторых, по словам Б.Н. Чичерина: «Не поддаваясь влиянию мужчин,

Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам... в присутствии женщин он становился совершенно другим человеком». Однако даже приняв на веру «донжуанский список» нашего героя, можно смело сказать, что все это были лишь мимолетные увлечения, попытки панического бегства от дворцового одиночества, не принесшие ему никакого облегчения.

Один из очевидцев тогдашних событий обронил интересную фразу: «Александр II был женолюбом, а не юбочником». Думается, что автор данного высказывания имел в виду то, что «случаи» и мимолетные романы, которые могли бы устроить сластолюбца, совершенно не затрагивали сердца императора и не давали успокоения его душе. Он был не сладострастен, а влюбчив и искал не удовлетворения своих прихотей, а глубокого, настоящего чувства. Ведь брак с Марией Александровной был не обычным союзом, а скорее договором о сотрудничестве, заключенным сторонами для выполнения определенных государственных обязанностей.

Недоступность
наибольшего счастья в
любви

Свое человеческое счастье наш герой нашел в 1865—1866 гг., когда горячо полюбил Екатерину Михайловну Долгорукую, бывшую почти на 30 лет моложе его. Им пришлось перенести множество испытаний, преодолеть потоки лжи, причем эти испытания не закончились и в 1880 г., когда после смерти Марии Александровны Александр II венчался с Долгорукой и даже пожаловал ей и двоим их детям титул князей Юрьевских. Удивительно, что монарха, с одной стороны, упрекали в мезальянсе, а с другой — осуждали за появление у него в семье незаконнорожденных детей (иными словами, ему не оставляли выхода из создавшегося положения, кроме самого бесчестного — бросить любимую женщину с детьми на произвол судьбы). Что ж, попробуем разобраться в ситуации.

Именно Долгорукая дала ему возможность освободиться от необходимости искать все новых и новых любовниц, брак с ней связал нашего героя с женщиной, чьи чувства и мысли он уважал и в беседах с которой находил покой, позволявший ему отвлечься от бесконечной череды дел и забот. Надо признать, что его новая супруга способствовала росту критики в адрес царя, вызывала раздражение значительной части общества. Можно понять и родственников императора — династический скандал, спор детей Александра II от первого и второго браков, безусловно, назревал и грозил спокойствию империи.

Трудность соединения
долга государственно-
го деятеля и права на
полноту личной жизни

Однако интереснее отметить то, что в данном случае Александр Николаевич пытался соединить две трудно соединимые вещи: долг государственного деятеля и его право на полноценную личную жизнь. Он попытался доказать обществу, совершенно к этому не готовому, что монархи, как и простые смертные, имеют право не только на поклонение и восхищение, но и на личное благополучие.

чие. Подобная попытка вызывает уважение, поскольку оказалась важной не только для самого государя, но и для его подданных. Речь идет не только об изменении психологических и ценностных ориентиров в императорской семье. Отказ от правил нравственного пуризма, от ханжеского поведения всегда ведет к некоторому всплеску вседозволенности. Но подобный отказ все же необходим для освобождения собственного «я» из-под гнета замшелых правил «приличий». Протестовать против свободы людей в интимных отношениях на том основании, что такая свобода ведет к росту распущенности и насилия, — один из худших видов лицемерия. С таким же успехом можно протестовать против, скажем, Жалованной грамоты дворянству, поскольку она якобы вызвала увеличение числа помещиков типа Простаковой и Скотинина.

Правление методом
проб и ошибок

Наверное, в данном случае следует говорить не о ненужности или необходимости перемен (с требованиями времени не поспоришь), а об умении или неумении людей пользоваться предоставленной свободой, о необходимости постепенной подготовки общества к правильному восприятию назревших перемен. В этом отношении Александр II вряд ли может послужить образцом правителя (а существуют ли вообще образцовые главы государств?). Он действовал методом проб и ошибок, импульсивно, проявлял волю самодержца не только там, где это было необходимо, но и там, где следовало бы избрать путь долгих уговоров и обстоятельных объяснений.

Шаг к разграничению
личной жизни и бре-
мени богопомазаннос-
ти

Что же до одиночества монарха в кругу родни, лоне семьи, то тут все непросто, вернее, неоднозначно. Собственно говоря, история с Долгорукой — это бегство Александра II из монаршего одиночества, желание просто, по-человечески устроить личную жизнь, иметь возможность хотя бы в семье отдохнуть от вериг величия, богопомазанности, неповторимости, от ответственности за судьбы миллионов людей. Его предшественники на престоле в XIX в. не раз говорили о своем желании как-то разграничить в себе монарха и человека, но только Александр II сделал решительный шаг к такому разграничению. И у него это почти получилось... Кажется, еще немного, полгода-год... Но и второй круг одиночества не дал себя до конца разорвать, тесно переплетаясь как с первым, так и с третьим кольцом избранности, исключительности.

Одиночество третье. Политик

Политика реформи-
рования

Вряд ли в данной статье есть необходимость останавливаться на государственной деятельности Александра II, перечислять те реформы, которые были проведены в его царствование [12]. Для нас гораздо важнее, какую позицию как политик он занимал на тех крутых поворотах истории, которые выпали на долю России в

конце 1850 — начале 1870-х гг. Уже после отмены крепостного права в 1861 г. проявилась одна из характерных черт александровского царствования: разработку планов преобразований, начальную борьбу за них всегда вели одни люди (реформаторы), а проведение в жизнь реформ поручалось другим (в лучшем случае не рассуждающим исполнителям).

Позиция третейского судьи

Дело в том, что монарх хотел видеть в России только два борющихся лагеря — противников и сторонников перемен и лишь одного третейского судью над ними — в лице императора. Александр II надеялся, что, удержав в руках рычаги управления, он не только сумеет спасти преобразования, но и сохранит мир и спокойствие в стране. Однако он не учитывал того, что его собственная политическая позиция становилась не только уникальной, но и опасной. Пытаясь в одиночку играть роль политического центра, царь был вынужден постоянно расставаться с реформаторами; оставаясь же монархом, он все больше опирался на **консервативную** бюрократию, которая не могла предложить никаких мер по обновлению страны, отстаивая сохранение старого порядка. Император же не поднимался над схваткой, как положено третейскому судье, он зависал над гремевшими политическими баталиями. Весь вопрос заключался в том, могла ли подобная позиция считаться психологически устойчивой, комфортной и политически конструктивной?

Министры-помощники — alter ego монарха

Что касается министров — помощников Александра II, то каждый из них являлся неким alter ego, а точнее, некой эманацией монарха, то есть производной от высшего, первоединого. В самодержавном государстве что-то иное полностью самостоятельное на министерском посту вряд ли возможно. Среди этих эманаций существовали братья Милютины и Горчаков, но могли появиться и Шувалов с Дмитрием Толстым или какой-нибудь Потапов. Что поделаешь, человек многогранен и многопланов, а для самодержавного монарха это особенно характерно; порождать только прогрессивные или только реакционные штампы он не в состоянии. Времена и обстоятельства, с ними связанные, заставляют правителей маневрировать, то есть находить место и для Милютиных, и для Шуваловых.

Высших сановников Российской империи монарх не только назначал на определенные посты или снимал их с должности, он был связан с ними очень сложными, почти генетическими нитями. И эта политико-управленческая «пряжа» отнимала у Александра II много внутренних сил и энергии. Нападки же общества на министров, вообще оценка их деятельности общественным мнением воспринималась императором как дело, касающееся его лично.

Рост равнодушия к
государственным
делам

Многолетние труды Александра II на высшем государственном посту, труды, связанные не только с нечеловеческими затратами нервной и физической энергии, но и с опасностью для жизни самодержца, привели к тому, что в середине 1870-х гг. можно говорить о его растущем равнодушии к государственным делам. Медики и психологи давно и упорно рассуждают о некой генетической усталости последних самодержцев из рода Романовых, которая настигала их где-то после сорока прожитых монархами лет. Не являлось это обстоятельство секретом и для ближайшего окружения Александра II. В 1869 г. великая княгиня Елена Павловна говорила: «Это — свойство семьи. В известном возрасте наступает усталость и пропадают желания. Так было с императором Александром I, с императором Николаем... Надо им помогать. Надо их поддерживать, ободрять, не давать видеть все в мрачном свете, искать и найти струну, которая могла бы дать им наслаждение...» [13].

Усталость как следствие
разочарования от
бессилия власти

Не споря с родственниками монарха и не являясь специалистом-медиком, не могу тем не менее не задаться вопросом: что способствовало развитию этого генетического недуга? Называют огромные физические и нервные нагрузки, связанные с управлением страной, стрессы из-за тяжелого груза ответственности. Все это верно, но разве подобных факторов не существовало в предыдущем столетии? Почему же усталость начала наваливаться на Романовых именно в XIX в.? Не потому ли, что оказался тяжел не груз ответственности сам по себе, а разочарование от растущего бессилия власти, от невозможности сделать то, что хотелось бы совершить? Александр I ушел от государственных забот, когда выяснилось, что ему не суждено ни отменить крепостное право, ни дать стране конституцию. Николай I начал сетовать на упадок сил, когда взлелеянная им система управления вдруг перестала казаться универсальной и всеобъемлющей. Александр II устал тогда, когда оказалось, что реформы, которыми он думал осчастливить страну, не устраивают большую часть ее населения.

Постоянная критика и
нетерпеливые требо-
вания окружающих

Разочарование Александра II, судя по всему, было особенно сильным. Князь В.П. Мещерский вспоминал: «Десять лет прошло с начала его царствования... Сколько людей наговорили ему в эти десять лет худого о худом, и как мало, напротив, люди говорили хорошего о хорошем... Печать на одну четверть говорила во имя отрицания, обличения и осуждения... Каждый день подавались государю в разных видах все людские злые отзывы и злые сплетни... что бы ни делал государь, все дела встречала критика одних и нетерпеливые требования другого от других... Трудно было при этих условиях, окружавших царя, не разочароваться» [14].

Трудно было не только не разочароваться, но и не махнуть на все рукой, не захандрить. А уж русская хандра... Да, она является ближайшей родственницей английского сплина, но, несмотря на родственные отношения, между ними существует качественная разница. Сплин — скука, заставляющая терять вкус к наслаждениям, удовольствиям, это, по словам Н.М. Карамзина, «несчастье от счастья». Он, пусть и с трудом, но поддается лечению: перемена рода занятий, путешествия, коллекционирование, чудачества и т.п. Хандра абсолютно неизлечима. Мыслящий россиянин, заболевший ею (а это обязательно должен быть человек мыслящий и тонко чувствующий), оказывается носителем некой судьбы, находится в постоянном поиске смысла и цели своей жизни.

Царственная хандра — Все они: онегины, печорины и иже с ними пытались «мысль разрешить», то есть определить причины болезни, преодолеть ее. И все они приходили к убеждению, что «ничего нельзя и не нужно делать», становясь принципиальными «недеятелями», ощущая на себе некое моральное пятно. Не примешивалась ли к ощущениям нашего героя эта русская хандра, которая для него была не только русской, но еще и царской? Император постоянно искал не столько смысл своей жизни (он-то ясен ему с юношеских лет), сколько смысл своего царствования, что удваивало его нравственные мучения как человека частного и как человека власти. Он одинок потому, что вынужден метаться между различными политическими ориентирами, не имея возможности утвердиться в одном из них. Он — «недеятель», который вынужден постоянно действовать, даже если не видит в своих усилиях особого смысла. Физическое и духовное одиночество русского монарха делало его фигурой более трагической, чем «лишние люди» из известных литературных произведений.

Центристская позиция — мишень для всех политических сторон Так или иначе, одно из важнейших условий правильной общественной жизни в стране — существование политического центра — в России 1860—1870-х гг. оказалось решено весьма своеобразно. Политический центр, становящийся щитом как против левого экстремизма, неумных социальных фантазий, так и против мечтаний ретроградов повернуть историю вспять, олицетворял собой император Александр II. В результате он подвергся жестким и, как оказалось, смертельно опасным нападениям и с той, и с другой стороны. Политическая позиция, в отличие от сакрального поста монарха, отнюдь не является священной, и Александр Николаевич, попытавшись сделаться, помимо самодержца, лидера, еще и одним из политических деятелей России, стал на самом деле мишенью для своих противников.

Нападки на царя — следствие стремления быть не только самодержцем, но и личностью

Причины «охоты на царя», устроенной «Народной волей», в конце 1870 — начале 1880-х гг., заключались не только в том, что император был уникальной фигурой и символом бюрократических, вершущих преобразований. Они заключались еще и в том, что его упорное стремление подчеркнуть права своего человеческого «я», желание, чтобы в нем видели не только самодержца, но и личность, принесли свои плоды. Для широких слоев общества Александр II действительно стал ближе, понятнее и доступнее во всех смыслах этого слова. Будучи освободителем крестьян, он попытался стать освободителем и самого себя, пожелав сбросить не обязанности верховного правителя, а заскорузлую, мертвящую необходимость быть в частной (да и политической) жизни кем-то большим, чем Александр Николаевич Романов.

Превращение поста монарха в чиновничью должность

Он старался разрушить — осознанно или нет, это другое дело — стереотип монаршего поведения, не слишком понимая, чем это грозит стране и ему лично. Александр II попытался совместить трудно совместимые вещи: остаться самодержцем, но вести существование зажиточного обывателя, то есть превратить пост монарха в некую чиновничью должность, отправляемую человеком ежедневно, скажем, с 9.00 до 18.00 с перерывом на обед. Оставшееся время суток император, по мнению Александра Николаевича, имел право проводить так, как ему заблагорассудится.

Разрушение основ самодержавия

Борьба Александра II за право на личную жизнь и особую политическую позицию вызывала недоумение и раздражение как в «верхах», так и в широких слоях общества. Ведь стремясь к личному освобождению от пут и вериг прошлого, от психологических стереотипов, монарх порывал не с пустыми условностями, а разрушал, как оказалось, нечто более важное. Абсолютно не желая этого, он покушался на ореол царской власти, на ту мистическую связь между царем и народом, которыми во многом удерживалась Российская империя. Разрушив ее старые физические скрепы (крепостное право), Александр II почти одновременно начал под коп под ее прежние духовно-идеологические основы.

Порицать его за это или хвалить? Да разве в этом дело? Главное заключается в том, что основной мотив поведения власти в царствование Александра II — это рывок в неведомое. Можно сказать, что история России в XIX в. — это вообще поиск и борьба друг с другом путей в неведомое (пока еще именно Россией) и в неизвестное (мировым сообществом вообще. Именно к такому типу планов относится народнический социализм или земская монархия славянофилов).

Значение деяний Александра II для истории России

Что же касается Александра II, то ему давно воздано должное теми исследователями, которые старались отнестись к его деяниям и его личности с максимально возможной объективностью. «Во

всей нашей истории, — писал В. О. Ключевский, — нет другого события, равного по значению освобождению крестьян... Пройдут века, и все же нам трудно будет узреть другое общественное событие, которое отразилось бы на столь многочисленных областях нашей жизни» [15]. Можно обратиться к более общей оценке эпохи и личности императора историка Б.Э. Нольде: «Только в России на грани 1855 года и только переходя эту грань, мы в нашей России, а не в России наших предков» [16].

Последнее, собственно говоря, подчеркивает главную идею данной статьи. Одиночества Александра II, будучи одинаково трагическими для него самого, имели разные корни, но единое следствие. Одни из этих корней уходили в далекое прошлое, другие были вызваны стремительно менявшимися обстоятельствами жизни России в XIX веке. Однако все они сигнализируют о том, что страна менялась, становилась более «нашей», нежели Россия «наших предков», и Александр II внес в этот процесс свой сильный вклад и как интересный государственный деятель, и как частный человек, человек непростой, часто крайне запутанной судьбы.

-
1. *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992; Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1993; Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. М., 1994; Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995; *Толмачев Е.П.* Александр II и его время. Кн. 1—2. М., 1998; Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М., 1999; Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000; *Высочков Л.В.* Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001; *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночеств. М., 2002.
 2. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825—1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 185.
 3. *Жуковский В.А.* Соч. Изд. 8-е. Т. VI. СПб., 1885. С. 348.
 4. *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1826—1832 // Александр Второй. Записки. Дневники. СПб., 1995. С. 69.
 5. Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 1. С. 56.
 6. Можно назвать следующие работы по интересующей нас проблеме: *Водов В.* Замечания о значении титула «царь» применитель-

- но к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М., 2000; *Топоров В.Н.* Московские люди XVII века (к злобе дня) // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1998; *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1998; *Успенский Б.А.* Царь и самозванец // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. М., 2002; *Худушева И.Ф.* Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1995.
7. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
 8. *Медем М.М.* Воспоминания // Русский архив. 1885. Т. III. С. 418.
 9. *Чулков Г.И.* Императоры. Психологические портреты. М., 1991. С. 228.
 10. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 174—330.
 11. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 199.
 12. Напомним лишь, что в 1860 — начале 1870-х гг. были проведены: отмена крепостного права, земская, судебная, городская, финансовая, военная реформы, реформа в области просвещения и цензуры, а также реформа телесных наказаний.
 13. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865—1876 гг. М., 1961. С. 274.
 14. Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 212—213.
 15. *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1958. Т. V. С. 296.
 16. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Париж, 1978. С. 7.